

КРИКИ СОВ И ПАЛОЧКА-ВЫРУЧАЛОЧКА

Валерий Брюсов «в целом... поэт не музыкальный» – так считал критик и литературовед Дмитрий Святополк-Мирский. Хотя к брюсовскому творчеству обращались композиторы Николай Метнер, Александр Гречанинов, Михаил Гнесин, Сергей Рахманинов, Андрей Петров... Среди произведений преобладают романсы, есть кантата и симфонический дифирамб и несколько вокальных циклов.

Среди них и вокальный цикл композитора Марины Чистовой «Четыре картины на стихи В. Брюсова», прозвучавший в Малом зале ЦДЛ в рамках литературного клуба поэта Кирилла Ковальджи. Выступление было приурочено к 140-летию Валерия Яковлевича. О неоднозначном характере творчества и личности Брюсова ярко сказал во вступительном слове Кирилл Ковальджи. За роялем была Марина Чистова, вокальные партии исполняла Елена Золотова.

Цикл включает четыре стихотворения – «Детская», «Колыбельная», «Весна», «Приветствие». Жанровое определение цикла – «картины» – находка композитора. Слушатель настраивается на созерцание, причем «картины» благодаря музыкальному сопровождению оживают – и вот уже это «сценки» единого стихотворно-музыкального произведения, который можно назвать вокальной драмой.

В первой «картине» мы окунаемся в детскую игру: «Палочка-выручалочка», «Вечерняя игра», «Небо тени свесило», «Расшумимся весело», «Бегать нам пора!». Но уже скоро спотыкаемся о странные и страшные недетские символы, которыми начинает «считалочку» Брюсов – приверженец символизма: «... Черной цепи не развяжешь... Снизу яма, сверху высь, Между них вертись, вертись». Ритм задан детской считалочкой, именно на ней построено стихотворение, что прекрасно поддерживается музыкальной композицией. Но в строчках сквозит что-то далекое от детской беззаботности. Наполнена драматизмом и вторая «картина» – «Колыбельная». Казалось бы, все понарошку – это ведь где-то:

Только волки, только совы
По ночам гулять готовы,
Рыщут, ищут, где украсть,
Разевают клюв и пасть.
А на самом деле:
Зажжена у нас лампадка,
Спи, мой мальчик, мирно, сладко.

Приходит странная догадка – может, за этими знаками и символами

скрывается что-то гораздо серьезнее? Ведь год создания «Колыбельной» – 1919-й. Может, и не колыбельная это вовсе, а предостережение? И вовсе не успокоительно, а с вызовом и протестом звучит:

Вой волков и крики сов,
Не тревожьте детских снов!

Третья «картина» – «Весна» – светла и прозрачна, как весенний воздух, звенит, будто весенний ледок, – настолько точно интонирует музыка с текстом стихотворения:

Белая роза дышала на тонком стебле.
Девушка вензель чертила на зимнем стекле.

Но вот странно: слушаешь – и веет холодком и безнадежностью от этой зарисовки. Ни сострадания, ни душевного тепла – только отстраненное созерцание:

Вечер настал, и земное утешилось сном.
Девушка плакала ночью в тиши, – но о ком?

Наверно, не зря Брюсова считали холодным поэтом, и потому сложно стихи его положить на музыку. Но это мастерски удалось Марине Чистовой – слушателей заорожило слияние поэзии и музыки от первой ноты до последней.

Апофеозом выступления прозвучала финальная «картина» – «Приветствие»:

Вам всем, этой ночи причастным,
Со мной в эту бездну глядевшим,
Искавшим за Поясом Млечным
Священным вопросам ответ,
Сидевшим на пире беспечном,
На ложе предсмертном немевшим,
И нынче, в бреду сладострастным,
Всем зачатых жизням – привет!

Из вальсового ритма текста рождается и вихрем закручивается... «Бал сатаны» из «Мастера и Маргариты» Михаила Булгакова, всплывают строчки из пушкинского «Пира во время чумы»: «...нам не страшна могилы тьма...» – музыкально-поэтическая феерия захватывает и уносит, будто воронка смерча, в сферы метафизической реальности. На какое-то время позволяя забыть, что все земное утешится сном.